

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

о том, что иогизм отвергался целым рядом индийских философских школ? Не говоря уже о материалистах и скептиках, его отвергали такие видные и высоко влиятельные мыслители, как Кумарила ¹⁾, как Рамануджа ²⁾ и мн. др.

На основании вышележащего мы утверждаем, что рецензируемая книга отнюдь не может считаться научно-популярной; ибо она исходит в основном не из современного состояния знания, а из безнадежно устаревших концепций, из туманных и вульгарных представлений об Индии, широко распространенных в европейских полуобразованных кругах, и не только не борется с этими предрассудками, но дает им новую пищу. Его книга не только не может вызвать у читателя интереса к предмету, но скорее способна оттолкнуть его как существом своим, так и крайне вялой и бледной формой изложения; приложенные к книге рисунки также нельзя назвать привлекательными.

Распыленные в книге в большом количестве немецкие вирши, долженствующие служить переводом приводимых автором индийских изречений, отнюдь не способны возбудить в читателе интерес к индийской литературе.

Но если указанные выше крупные, по нашему мнению, дефекты книги относятся к ее, так сказать, принципиальной стороне (при всей ее явной беспринципности), и все указанные умолчания могут быть в крайнем случае объяснены известным направлением (хотя автор, не имея своего направления, всего только плывет по течению), то есть в книге и места, которые уже совершенно явно обнаруживают незнание автором того предмета, о котором он пишет, и внутреннюю бессвязность его изложения. Так, напр., на стр. 165 он говорит: „в Индии никогда не укоренилось мнение, что мир есть машина, созданная богом и идущая сама по себе, при чем бог лишь от времени до времени вмешивается в мировой процесс, чтобы оказать милость верующим в него“ (стр. 165). Это явно неверно, ибо такова именно позиция системы иога; и автор сам это признает (стр. 290) ³⁾.

¹⁾ Slokavārttika, V, 93 — 95, срв. также Keith, Karma-Mīmāṃsā (1921), стр. 27.

²⁾ Schomerus, Indische Erlösungslehren (1919), стр. 98.

³⁾ Правда, в системе иога бог не творец, но это наименее существенный пункт в данном случае, как это видно из контекста на стр. 165; здесь важно только, какова актуальная связь бога с миром. К тому же, согласно Якоби,

На стр. 102 мы читаем: „Загадочного происхождения (к. н.) святой Сатья Пир. Согласно мусульманской традиции, он первоначально назывался Мансар Халлак и родился в Багдаде; он постоянно повторял слова „я есмь истина“, за какое кощунство и был умерщвлен...“ и т. д. Итак, наш автор ничего не слышал о знаменитом мученике Суфии Хусейне Ибн-Мансуре, по прозвищу аль-Халладж, казненном в Багдаде в X веке за произнесение слов „Ана l'Haqq“ — „Я есмь истина“ (т. е. бог.) ¹⁾.

При всех указанных недостатках книга содержит все же некоторый материал об индуизме, хотя и не новый, и плохо обработанный, и не во всем надежный, и читатель, который до ознакомления с нею об индуизме ничего не знал, кое-что об нем узнает; но если он не проявит величайшей осторожности и скептицизма по отношению к ее содержанию, ему о том, на верное, придется пожалеть. И мы рекомендовали бы читателю не тратить времени на прочтение этой книги, а обратиться вместо нее к английским работам — Крука ²⁾, Элиота ³⁾, Бандаркара ⁴⁾ и Фаркхара ⁵⁾.

M. T.

◆ A. Gawronski. Notes sur les sources de quelques drames indiens. (Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademii Umiejętności № 4. W Krakowie 1921. Стр. 92 in 8°). — Об источниках некоторых индийских драм.

Изучение так называемой изящной литературы санскрита в двадцатом веке уступило в значительной степени место изучению буддийских памятников, найденных в Средней Азии; место Индии среди инданистов заняли, надо надеяться только временно, Сериндия и широкие вопросы межкультурных взаимотношений. Тем приятнее встретиться с книгою, посвященной вопросу об источниках индийской драмы.

Прежде всего необходимо отметить тонкий вкус автора и его большую начи-

это обстоятельство в системе иога сравнительно случайно, и бог все же и в ней в некотором смысле творец. (H. Jacobi, Die Entwicklung der Gottesideen in Indien (1923), стр. 37).

¹⁾ Срв., напр., R. Nicholson, Mystics of Islam (1914), стр. 149.

²⁾ Hinduism in Hastings' Encyclopaedia of Religion and Ethics.

³⁾ Hinduism and Buddhism, 3 тома. (Блестящая компиляция).

⁴⁾ Цитирована выше.

⁵⁾ Primer of Hinduism (1912) и Outline of the Religions Literature of India (1920).

танность в драматической, лирической и эпической поэзии Индии. Автор приготовил книгу о происхождении и эволюции индийского театра и о греческом влиянии на индийскую драму; война помешала пока выходу этой книги (на польском языке), которая, по видимому, не издана еще и до сих пор.

Разбираемая нами книга начинается весьма интересно главою теоретического характера „О лингвистических и стилистических влияниях в литературах Индии“, шире захватывающей вопрос, чем можно судить по заглавию, так как речь идет не об одной индийской литературе. Автор указывает, с большою тонкостью, на ту громадную разницу, которую мы наблюдаем по отношению к заимствованиям по форме и по содержанию в языках живых и в мертвом языке, каким, по его мнению, является санскрит. Здесь скорее можно говорить о подражании, а не о заимствовании. Вполне отдавая должное справедливости указаний автора, если согласиться с его основным положением, что общиндийская литература вся создана мертвым языком — санскритом, мы именно в этом его основном положении совершенно расходимся с ним, ибо то, что он говорит о санскрите, пришлось бы, с очень незначительными изменениями, приложить к персидскому литературному языку и к тибетскому и, вероятно, еще и к ряду других языков. И здесь, нам кажется, автор объединил в одно два не тождественных понятия: мертвый язык и высоко развитой литературный язык. Термин „мертвый“ мы решились бы приложить к санскриту лишь с очень, сравнительно, позднего времени, в лучшую же пору расцвета общиндийской культуры, а значит и литературы, санскрит был и языком разговорным для очень широких кругов, и обогащал свой словарь заимствованиями из разных индийских языков и не только арийского корня. Мы так мало еще знаем историю Индии, что и санскрит в своем громадном словарном богатстве исторически еще почти не исследован, до сих пор еще не сделано никаких серьезных попыток выяснить состав словаря по эпохам, чем в значительной мере объясняется то полное разногласие в хронологических приурочениях таких капитальных произведений, как знаменитый так наз. трактат „по политике“, приписываемый Каутилю и который одними датируется четвертым веком до нашей эры, другими же относится ко времени на много столетий позже. Ту же судьбу испытывают, напр., пьесы, приписываемые Bhāsa и длинный ряд произведений санскритской письменности и литературы.

Нам представляется чрезвычайно субъективным утверждение автора относительно произвольного или, по крайней мере, в широкой мере произвольного употребления синонимов писателями на санскрите.

Он считает, что у этих писателей не могло быть живого чутья санскритского языка, как языка мертвого. Позволю себе сослаться в этом отношении на человека, компетентность которого, притом совершенно исключительная, не может быть подвергнута сомнению, — на покойного Г. Бюлера, от которого мне неоднократно приходилось слышать рассказы об изумительно тонком знании и понимании санскрита, даже теперь, у отдельных индийских ученых; при чем он подчеркивал, что знание это живое, а не книжное. Так же смотрит на санскрит проф. Якоби, стоит только вспомнить его известную статью „Was ist Sanskrit?“ (Scientia, 1913).

Раз мы разошлись с автором в понимании того орудия, которым индийские поэты и писатели создавали свои произведения — санскрита, для проф. Гавронского мертвого, для нас живого, то можно было бы ожидать, что мы разойдемся в дальнейшем, но автор в своих литературных построениях так мало пользуется своим взглядом на санскрит, что это разногласие не мешает нам оценить по заслугам и точность его анализа, и плодотворность той идеи, которой он держится в вопросе об источниках некоторых индийских драм: он считает, что на построение их сюжета большое влияние имели народные сказки. Это направление выдвинулось за последнее время в области сравнительного изучения литератур, — стоит, напр., указать на главу „Les contes populaires et la littérature“ в книге покойного G. Huet „Les contes populaires“, вышедшей в 1923 году: проф. Гавронский остановился на драмах Калидасы (V в.) и Бавабуты (VIII в.), при чем по отношению к драме последнего „Малати-мадава“ он привлек к сравнению народную турецкую сказку, которую он справедливо, по видимому, возводит к индийской сказке, повлиявшей на Бавабуту в его драме.

Вполне признавая плодотворность предположения о влиянии подобных сказок на поэтов и писателей классической и других эпох санскритской литературы, мы хотели бы все же сделать некоторые ограничения по отношению к возможности точно выяснить степень заимствования, так как до сих пор у нас нет ни одного текста, за несомненную подлинность которого, даже в деталях (а они-то часто и особенно важны), мы могли бы ручаться. Современные методы издания

текстов, крайне эклектические, лишают нас возможности быть уверенными, что такое текст Калидасы или, напр., Бавабути. Язык повтов и писателей и их приемы творчества слишком мало до сих пор для этого изучены.

Когда автор говорит о влиянии кришнаитских мистерий на классическую драму, он должен был бы упомянуть и о несомненно народной буддийской драме или своего рода буддийских мистериях, пышное развитие которых мы можем установить в Кучаре, в пределах Сериндии. Кроме этих народных драм можно указать и на те, которые разыгрывались, напр., в праздник Холи. Наверное, можно было бы указать и еще на другие.

Все замечания, которые мы позволили себе сделать, истекают из того интереса, который вызывает к себе труд профессора Гавронского; надо надеяться, что он скоро издаст свою книгу об индийском театре, которую мы ждем с нетерпением, так как пора использовать богатый новый материал, ставший достоянием науки за последние годы.

Сергей Ольденбург.

◆ Proceedings and Transactions of the Second Oriental Conference Calcutta. January 28-th to February 1-st 1922. Calcutta, 1923. Стр. CVI + 651 in 8°. — Труды 2-й Восточной конференции в Калькутте.

После первой Восточной конференции в Пуна, в западной Индии, в 1919 г. вторая конференция была устроена в Калькутте, на востоке, и третья намечена в Мадрасе, на юге. Мы видим, таким образом, определенную тенденцию захватить в орбиту этих важных научных конференций всю Индию. Программа была чрезвычайно разнообразна, число докладов дошло до 200, и только часть их могла быть напечатана в трудах конференции. Общее впечатление определенное: большое оживление в работе, искреннее желание дать возможность выявиться многообразным научным течениям. В напечатанных работах, единственных, о которых мы пока можем судить, заключается масса интересного материала, затронуту много животрепещущих для индianиста вопросов, — и тем не менее и на этот конгресс, как и на большинство современных научных конгрессов, особенно в области гуманитарных наук, приходится навести решительную критику.

С одной стороны, в чрезвычайно изящной, остроумной форме президент конгресса проф. С. Леви навел уже эту критику: на наглядном, для всякого убедительном, примере он показал всю недостаточность метода работы значительного

большинства туземных индianистов, которые, как это часто бывает, считают, что они, уже тем самым, что они индийцы, обладают необходимыми для исследовательской индологической работы знаниями. Мы хорошо и у себя знаем, как часто мы, русские, воображаем, что знаем и свой язык, и свою литературу, и свою историю, в то время как на самом деле большинство из нас почти ничего этого не знает. Необходимо указать на другую слабую сторону конгресса, которая, к сожалению, является и слабою стороною индологических занятий в самой Индии, отчасти и вне Индии: обзор многочисленных доложенных конгрессу докладов ярко свидетельствует об одном — об отсутствии согласованности и общего плана исследований. Каждый автор выбирает тему, которая его лично интересует, и совершенно не считается с тем, какие вопросы особенно важны и стоят на очереди. Можно, конечно, возразить, что немногим благополучнее и на Земаде, но, казалось бы, индийцы, говорящие теперь так пламенно об единой Индии, должны бы в отношении ее изучения опередить своих западных собратьев и поставить на ноги систематическое изучение всей индийской культуры. Доклады настолько случайны, что даже трудно по ним определить, какие же в настоящее время вопросы волнуют индийских ученых. Одно, может быть, ясно выделяется, и что вполне понятно, это — повышенный интерес к историческим вопросам, хотя и тут нет никакого систематического подхода, между тем как целый ряд важнейших задач выставлен уже наукой и ждет своих исследователей. Так, напр., громадный исторический материал летописей, хронологических списков, исторических повей и подобного ценнейшего материала лежит в библиотеках. Говорю при этом только о более легко доступном материале. Экономические исследования только начаты, к истории городов и выяснению их значения для экономической и культурной жизни страны еще и не приступлено. Только по отношению к деревне предприняты некоторые экономико-статистические обследования. Между тем давно пора покончить с легендою о том, что Индия будто бы специально страна религии: нет, конечно, сомнения в том, что Индия проявила в этой области громадное творчество, но столь же несомненно, что индийцы, как и другие народы, имели сложную социальную жизнь, что земледелие деревни и ее ремесло, и промышленность и торговля городов имели громадное значение в жизни Индии, не меньшее, чем в других странах, и что без знания и понимания